

К ТИПОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ
ПРАСЛАВ. *ČELOVĚKЪ 'ЧЕЛОВЕК'

Этимология праслав. *čelo-věkъ, объясняющая первую часть этого сложного слова как соответствие греч. τέλος 'отряд', 'толпа' <*k^{vo}elo-s (индоевропейское¹ обозначение родового объединения, откуда и праслав. *čeljadь), а вторую часть — как соответствие лит. vaikas 'ребенок', признается в настоящее время многими исследователями². Недавно данная В. В. Мартыновым критика этой этимологии не представляется убедительной, в частности, потому, что он исходит из недопустимости «непосредственного приравнивания» праславянской основы к литовской³. Однако это вполне совместимо с идеей архаического характера балтийских форм, поздним преобразованием которых можно считать славянские⁴: в данном славянском сложном слове в связанном виде сохраняется морфема, в литовском еще функционирующая в несвязанном виде. Также недостаточно обоснован с этимологической точки зрения и тезис В. В. Мартынова о том, что праслав. *čelo-

¹ О дальнейших ностратических соответствиях с тем же значением см.: В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971, стр. 362—363.

² См. обзор точек зрения в статье Е. Н. [avlová] об этом слове; V. Čarková, E. Navlová, F. Korečný, A. Mátl, H. Plevačová. Etimologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo. Brno, 1966, стр. 13—19.

³ В. В. Мартынов. Славянские этимологические версии. «Русское и славянское языкознание. К 70-летию Р. И. Аванесова». М., 1972, стр. 185. (Далее — В. В. Мартынов). К проблеме ареальных инноваций в названии человека ср.: В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, стр. 241—242 (где следует иметь в виду и загадочное сходство начал греч. ἀνθ-ρωπος, мик. atorojo и хет. ant-uḫša-).

⁴ К постановке этого вопроса в общем виде ср. принятие той точки зрения, которая ранее была предложена В. Н. Топоровым и автором, в трудах: H. Birnbaum. Problems of typological and genetical linguistics viewed in a generative framework. The Hague—Paris, 1970, стр. 117; Он же. Zur Problematik der zeitlichen Abgrenzung des Urslavischen. — ZfslPh, XXXV, 1970, 1, стр. 18 (там же дальнейшие ссылки на новейшую литературу); Он же. O możliwości odtworzenia pierwotnego stanu języka prasłowiańskiego za pomocą rekonstrukcji wewnętrznej i metody porównawczej. «American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. Warsaw. August 21—27, 1973», vol. 1, Linguistics and Poetics, ed. by L. Matejka. The Hague—Paris, 1973, стр. 50—51.

věkъ было противопоставлено форме **ludъje* по семантическому различительному признаку несобирательности⁵. Последнее слово находит наиболее точное этимологическое соответствие в балтийском и германском: для всех трех групп восстанавливается им. пад. мн. ч. **leudheies*⁶.

Реконструируемое на основании лит. *liáudis* и родственного лтш. *ļaudis* (в диалектах 'свои люди', ср. руск. *свои люди*) значение **leudho-* 'свободный земледелец, принадлежащий к своей замкнутой социальной группе' подтверждается явственно земледельческим характером архаических римских ритуалов типа *Liberalia* и слов других индоевропейских языков, родственных лат. *liber* 'свободный' от **leudh-* 'расти'⁷. Поэтому развитие более общего значения **ludъje* 'люди' и соотнесение этого слова с **čelověkъ* могло осуществиться лишь на столь позднем этапе развития праславянского, который не может быть существен для выяснения первоначального значения последнего слова. Гипотеза о его исконном местоименном характере не подтверждается, а опровергается приводимой В. В. Мартыновым параллелью герм. **liudi*: **manu*, так как второе слово приобрело значение неопределенноличного местоимения в результате длительного процесса, находящего себе параллели в большем числе языков⁸, ср. франц.

⁵ В. В. Мартынов, стр. 187. Сходным образом К. Уоткинс предполагает для германского развитие значений 'масса', 'множество' > 'люди', но детали семантического развития от корня **leudh-* он признает неясными: С. W a t k i n s. Indo-European Roots. «The American Heritage Dictionary of the English Language». Boston, 1971, стр. 1526.

⁶ Chr. S t a n g. Lexikalisches Sonderüberstimungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo—Bergen—Tromsø, 1972, стр. 32, ср. стр. 74.

⁷ E. V e n v e n i s t e. Le vocabulaire des institutions indo-européens. 1. Économie, parenté, société. Paris, 1969, стр. 321—325. Для более раннего периода в соответствии с гипотезой Я. Вакернагеля (см. R. S c h m i t t. Dichtung und Dichtersprache der indogermanischer Zeit, Wiesbaden, 1967; В. В. Иванов. Язык как один из источников этногенетических исследований и проблематика славянских древностей. «Советское славяноведение», 1973, № 4, стр. 69) можно думать о происхождении оппозиции 'свободный' : 'раб' (лат. *liber* : *servus*) из 'земледелец' : 'скотовод' (ср. авест. *pasuš. hauruio* 'сторожащий скот' при лат. *servare pecus*).

⁸ К. Е. Майтинская. Местоимения в языках разных систем. М., 1969, стр. 44, 286.— Ср. об аналогичном развитии возвратных местоимений из слов со значением 'человек, тело' там же, стр. 271 (гольд. *beje* 'человек', маньчж. возвр. мест. *beje* с японским соответствием *mi* по Е. Д. Поливанову, шиллук *ré* 'человек', ср. ненецкие и другие параллели там же, стр. 269). К семантике ср. S. K u n o. Pronominalization, reflexivization, and direct discourse. «Linguistic Inquiry», vol. III, 1972, № 2. В. В. Мартынов, в другой связи цитирующий богатую фактами книгу К. Е. Майтинской, не обратил внимания на данную закономерность. В связи с проблемой древности местоименного значения у герм. **man-* ср. еще др.-исл. *mange* 'никто' < **mann-gi* при хет. *man-k(i)* > *manga* в отрицательной конструкции: В. В. Иванов. Общиневропейская, анатолийская и праславянская языковые системы. М., 1965, стр. 193, примеч. 37, где следует, однако, иметь в виду, что с ностратической точки зрения и.-е. **m/o/n-* 'муж' и *mo-* как вопросительное местоимение — перво-

он < *hōtme*, лик. *uwe* 'man, Mann', засвидетельствованное в сочетаниях с отрицанием *uwe neu* 'man nicht', *ne uwe* 'niemand', типологически сходных с англ. *nobody* 'никто', и, вероятно, родственное хет. *uwa-*, встречающемуся в качестве архаизма в древнехеттской песне в значении 'предок, старый человек, дед'⁹; в пользу такой интерпретации этих анатолийских слов говорит и истолкование лик. *B uwe-dri* 'руководство' ('совет старейшин', 'собрание'?), лик. *A huwedri* как производного от той же основы. Заслугой В. В. Мартынова является то, что он указал на необходимость типологического подхода к этимологии слова 'человек' с учетом частой этимологической связи названия человека и неопределенно-личного местоимения (типа *ame* 'Mensch; Person; jemand; man; einer' в языке эве¹⁰). Но наиболее существенным при этом представляется то, что во всех достоверных случаях слово 'человек' вторично получает значение местоимения (ср. местоименный характер слова *человек* в ряде конструкций в современном русском языке), а не наоборот. Поэтому если зап.-слав. **-koli-věkrъ*, выступающее в сложении с предшествующим местоимением (польск. *ktokolwiek* 'кто-либо, кто-нибудь', чеш. *kdokolivěk*, словц. *ktokol'vek* 'кто-нибудь, кто бы ни') связано с **čelověkrъ*¹¹,

начально неодушевленного класса — восходят к разным корням: В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. Указ. соч., стр. 9 и 21. Кейперс предлагает сблизить с той же индоевропейской группой слов лат. *mānēs* 'духи предков, маны' и имя предков германцев *Mannus* по Тациту: А. Н. К у и р е р s. *The Squamish Language*, The Hague, 1967, стр. 402, N 5.

⁹ В. В. И в а н о в. Заметки по сравнительно-исторической индоевропейской поэтике. «To honor Roman Jakobson», The Hague, 1967 (к предложенному там же типологическому сопоставлению с хауса ср. также еще более разительное сходство с протоамериканско-индейским **uwā* 'человек': E. Matteson. *Toward Proto Amerindian*. — «Comparative Studies in Amerindian Languages». The Hague — Paris, 1972, стр. 68, N 522); С. W a t k i n s. *A Latin—Hittite etymology*. — «Language», 45, 1969, N 2, стр. 241; F. J o s e p h s o n. *The function of the sentence particles in Old and Middle Hittite*, Uppsala, 1972, стр. 318, прим. 6, где значение определяется сходно с двумя предшествовавшими работами, которые остались автору книги неизвестными.

¹⁰ В. В. М а р т ы н о в, стр. 187; К. Е. М а й т и н с к а я. Указ. соч., стр. 256; D. W e s t e r m a n n. *Wörterbuch der Ewe-Sprache*. Berlin, 1954, стр. 482 (из примеров, приводимых в словаре, очевидна первичность значения 'человек'). — Пользуюсь случаем принести благодарность О. Н. Трубачеву, указавшему на роль этого вопроса для темы данной статьи.

Пример развития значения 'человек' из указательного местоименного обозначения конкретного денотата (типа пушкинского «Стоял Он», где Он — Петр) можно было бы видеть в новозаветном 'се человек', ср. (со ссылкой на А. А. Зализняка): Ю. М. Л о т м а н, Б. А. У с п е н с к и й. Миф — имя — культура. «Труды по знаковым системам», VI. Тарту, 1973, стр. 285, примеч. 2 (имеется в виду, очевидно, арамейск. *hāhū* из *hā* 'вот' и *hū* 'он', откуда позднейшее ессе homo). Но в данном случае речь идет о развитии при переводе (а не внутри одного языка) при наличии сугубо определенного значения (а не неопределенного, как в других случаях).

¹¹ В. В. М а р т ы н о в, стр. 187.

то и в этом случае по общей типологической закономерности следует предполагать развитие сочетания местоимения с архаическим суффиксом *-li-¹² со словом, первоначально бывшим нарицательным именем, как и в параллельном нем. *jemand*. Как и в диахронической фонологической типологии, для реконструкции важно не просто наличие типологической связи двух значений ('человек' и 'кто-то'), а наличие направленного необратимого отношения во времени между этими значениями.

Для доказательства вероятности объяснения *-věkъ* в *čelověkъ* из слова, родственного лит. *vaikas* 'ребенок', существенна типологическая универсальность подобных обозначений. Речь идет о семантической структуре, одним (чаще всего вторым по месту) компонентом которой является морфема со значением 'ребенок', 'маленький', а другим компонентом — либо общее обозначение племени или рода, либо конкретное указание на данное племя или на один половой класс (обычно мужской) внутри этого племени, или же, наконец, на одного представителя этого класса (мужчину). Такую внутреннюю форму имеют, в частности, 1) шумерские составные слова типа *dumu.nam.lú.ulù*.¹² (эквивалентное аккад. *mār aḫlīlūti* 'сын человечества, сын человеческий' = 'человек'), иногда переводимое (буквально по смыслу частей, в шумерском и аккадском расположенных, однако, в обратном порядке по сравнению с немецким переводом) как 'Menschen-kind' (где *kind* = *dumu*, ср. этимологически, но не семантически близкое к разговорному немецкому слову англ. *man-kind*); 2) шумерские же конструкции типа *dumu lagaš^{ki}* 'сын Лагаша' в смысле 'жители Лагаша'¹³, что соответствует аккад. *mār Bābili* 'сын Вавилона, вавилоняне'¹⁴ и т. п.; 3) совпадающие с последним сложения типа *eβe-vi* 'человек (буквально: ребенок) народа эве'

¹² К существенным доказательствам архаического характера местоименных форм на *-li* ср. хеттское имя божества *Anzili* < **ons-ili* 'наш' при известном древнехеттском *Siu-šmi* 'наш бог' семантически связанном с первым именем. О других доказательствах архаизма местоименных форм на *-li* в анатолийских языках, родственных славянским формам типа **toli*, **koli*, см. E. V e n e n i s t e. Hittite et indo-européen. Paris, 1962, стр. 67—68. Относительно хеттской богини *Anzili* см. H. G. Güterbock. A view of Hittite literature. «Journal of the American Oriental Society», vol. 84, 1964, № 2, стр. 114 и след.; E. Laroche. Textes mythologiques hittites en transcription. I partie. Mythologie anatolienne. «Revue hittite et asianique». t. XXIII, 1965, fasc. 77, стр. 135 и след.

¹³ А. П. Р и ф т и н. Из истории множественного числа. — «Уч. зап. ЛГУ. Серия филологических наук», вып. 10, Л., 1946, стр. 38.

¹⁴ F. D e l i t z s c h. Assyrisches Wörterbuch. Leipzig, 1896 (2 изд. 1968), стр. 391. А. А. Зализняк любезно указал автору на распространенность таких обозначений в семитских языках. Ср., например *jsr' l wtzr'* (Дан. I, 1 и след.) и т. п. Разительным представляется сходство этих семитских оборотов с такими гомеровскими, как *υἱες Ἀχαιῶν* 'сыны Ахейцев' = 'Ахейцы', *κόβοι Ἀχαιῶν* 'сыны Ахейцев', см. о значении последних

в языке эве¹⁵); 4) сложения со вторым элементом *no* 'ребенок' в айнском языке¹⁶, имеющие индивидуализирующее значение (близкое к функции деиктического местоимения или артикля), что видно из противопоставления этих айнских словосложений в таких контекстах, как *тап-ан оккаї-но* 'сей мужчина'¹⁷, *неа оккаїно* 'тот юноша'¹⁸, в отличие от обобщенного употребления слова *оккаїо* без *но* в таких контекстах, как *еані неїакка оккаїо е-не куї е-поро-ша неїак* 'что ты тоже, как мужчина, подростки'¹⁹, *оккаїо-не-їіке-їе* 'те, что мужчины', рядом с *меноко-не-їіке-їе* 'а женщины'²⁰ (где *меноко* — японское заимствование в айнском), ср. также сходное сочетание *нерок меноко утарї нерок оккаїо утарї* 'Те женщины и те мужчины'. . .²¹. Это противопоставление, являющееся в айнском живым, позволяет предполагать, что морфема со значением 'ребенок' могла служить для выделения индивидуального представителя (отдельного человека или мужчины) внутри всего множества, понимаемого без этого выделителя как

Н. P. G a t e s. The Kinship Terminology of Homeric Greek. — Supplement to «International Journal of American Linguistics», vol. 37, N 4, October 1971, стр. 66 и 67, примеч. 28 и 30. В свете других данных (ср. E. M a s s o n. Recherches sur les plus anciens emprunts sémitiques en grec, Paris, 1967) можно было бы думать о калькировании семитских оборотов в древнегреческом.

¹⁵ D. W e s t e r m a n n. Указ. соч., стр. 720.

¹⁶ См. подробнее об этой морфеме в айнском и параллелях в других языках мира в статье автора: В. В. И в а н о в. Семантическая категория малости — величины в некоторых языках Африки и типологические параллели в других языках мира. «Проблемы африканского языкознания». М., 1972, стр. 79—80, 85, 87 и др. — Цитируемые далее материалы Невского еще не могли быть учтены в этой статье.

¹⁷ Н. А. Н е в с к и й. Айнский фольклор. М., 1972, стр. 49, строка 1.

¹⁸ Там же, стр. 64, строка 461.

¹⁹ Там же, стр. 79, строки 196—198. Ср. там же, стр. 143 и 145, типологически сходное *меноко а-не куїу* 'так как я женщина'. Ср. также формы *їун-но (ohai)* 'О (мой) братец!', *хок-но ohai* 'О, муженек мой' там же, стр. 126 и 128, строки 212—213 и 279—280, где сохраняется уменьшительное значение *но*.

²⁰ Там же, стр. 83. Относительно возможности построения формы мн. ч. *меноко-но-но* 'дочери, женщины' по типу мн. ч. *оккаї-но-но* 'сыновья, мужчины', где *-но-но* — редуцированное множественное число, см. соответствующие словарные статьи в книге: М. М. Д о б р о т в о р с к и й. Айнско-русский словарь. Казань, 1875, стр. 56, 169 (*меноко-но-но* 'молодая женщина' или 'женщины'), 221, а также стр. 9—10 Приложенный к словарю (с особой пагинацией). Ср. такие типологические параллели, как объединение значений уменьшительности и множественности в кетском суффиксе *-г'эт*, видимо, родственном имени существительному *клат* 'дети' и т. п.: Е. А. К р е й н о в и ч. Медвежий праздник у кетов. «Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты». М., 1969, стр. 62. Другие примеры превращения имени существительного 'ребенок' в морфему уменьшительности и/или множественности отмечены в статье автора, названной выше, примеч. 16. Согласно любезному сообщению А. А. Холодовича, для языка айнских сахалинских текстов, изданных Б. Пилсудским, такие редуцированные формы множественного числа нехарактерны.

²¹ Н. А. Н е в с к и й. Айнский фольклор, стр. 163, строки 109—110.

нерасчлененное целое (откуда и возможность родового или предикативного употребления в случаях, подобных цитированному выше: 'как мужчина'). Поскольку в большинстве приведенных типологических параллелей другой компонент чаще обозначает мужчин, чем людей вообще, можно было бы думать, что и для праславянского **čel-o-* исходным могло послужить значение типа греч. *τέλος* 'военный отряд' = 'множество мужчин'²².

²² Рассмотренный тип обозначений представлен под вероятным шумерским и аккадским влиянием не только в гомеровском греческом, но и в древнехеттском, где идеограмма *DUMUMES URUḪatti* 'сыновья (города = страны) Хатти' не только соответствует рассмотренному выше шум. *dumu Lagas^k*, акк. *mār Bâbili*, но и проливает свет на происхождение (в древнееврейском, видимо, уже переосмысленных) оборотов типа 'сыновья Хета' = 'хетты' в книге «Бытие», 23, 3 и др., ср. также В. В. Иванов. Древнейшие культурные и языковые связи южнобалканского и малоазийского ареалов. «Доклады и сообщения советской делегации. III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы». М., 1974, стр. 7; см. о сочетаниях типа *DUMUMES URUḪatti* в значении 'сыновья Хатти' = 'жители Хатти' в древнехеттском тексте завещания Хаттусилиса I (II 68, II 76): F. Sommer und A. Falkenstein. Die hethitisch-akkadische Bilingue des Ḫattušili I. (Labarna II). (Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Abteilung, Neue Folge, Heft 16). München. 1938, стр. 57. Автор признателен А. А. Зализняку, А. А. Королеву, О. Н. Трубачеву и А. А. Холодовичу за критические замечания и советы.